

ГВОЗДИ ДАНЫ НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ ИЗ НИХ ЛЮДЕЙ, А ЧТОБЫ КЛАСТЬ В КАРМАН ПЕРЕД СПЕКТАКЛЕМ

Так считает звезда Театра на Таганке Валерий Золотухин

Андрей Шарунов

ЧЕМ ДЛЯ ВАС примечательен ушедший год?

— У меня вышло две книги — «Секрет Высоцкого» и «Банька по-черному». А 19 октября, в день пушкинского лица, родился долгожданный внук Алексей — долгожданный потому, что перед этим было три внуки: Оля, Таня, Маша, которых я очень люблю. Мой сын Денис — священник, ему хотелось, чтобы был и мальчик, наследник фамилии. А младший сын Сергей пока не женат и учится в музыкальном училище — на ударника. Если говорить о себе, то основным событием для меня была работа в театре Антона Чехова с Леонидом Трушкиным над пьесой Артура Миллера «Цена». В этом спектакле играют Олег Басиллашвили, Анатолий Равикович, Вера Воронкова и я. Мы репетировали два с лишним месяца. Давно я не играл такую драматургию, со времен Анатолия Эфроса. В театре Юрия Любимова игра через зал на публику — это стало поднадоедать. Чувствую, у многих появилась тяга к традиционному театру. Хотя многие привыкли к великому театру Любимова с его стилистикой. Юрий Любимов назначил меня в спектакль «Театральный роман» по Булгакову, где я репетирую роль Ивана Васильевича — Станиславского... Кроме радостей, год принес и огорчения, накапливается груз быта, о который разбивается «любовная лодка». А самое большое огорчение — это когда 16 января, почти год назад, во время репетиции «Хроник» сорвалась с трехметровой конструкции Ирина Линдт — актриса, владеющая абсолютным слухом и уникальной пластикой. Это произошло у меня на глазах. Ей сделали операцию, она поправилась. От этого случая у меня до сих пор осталось неприятное чувство.

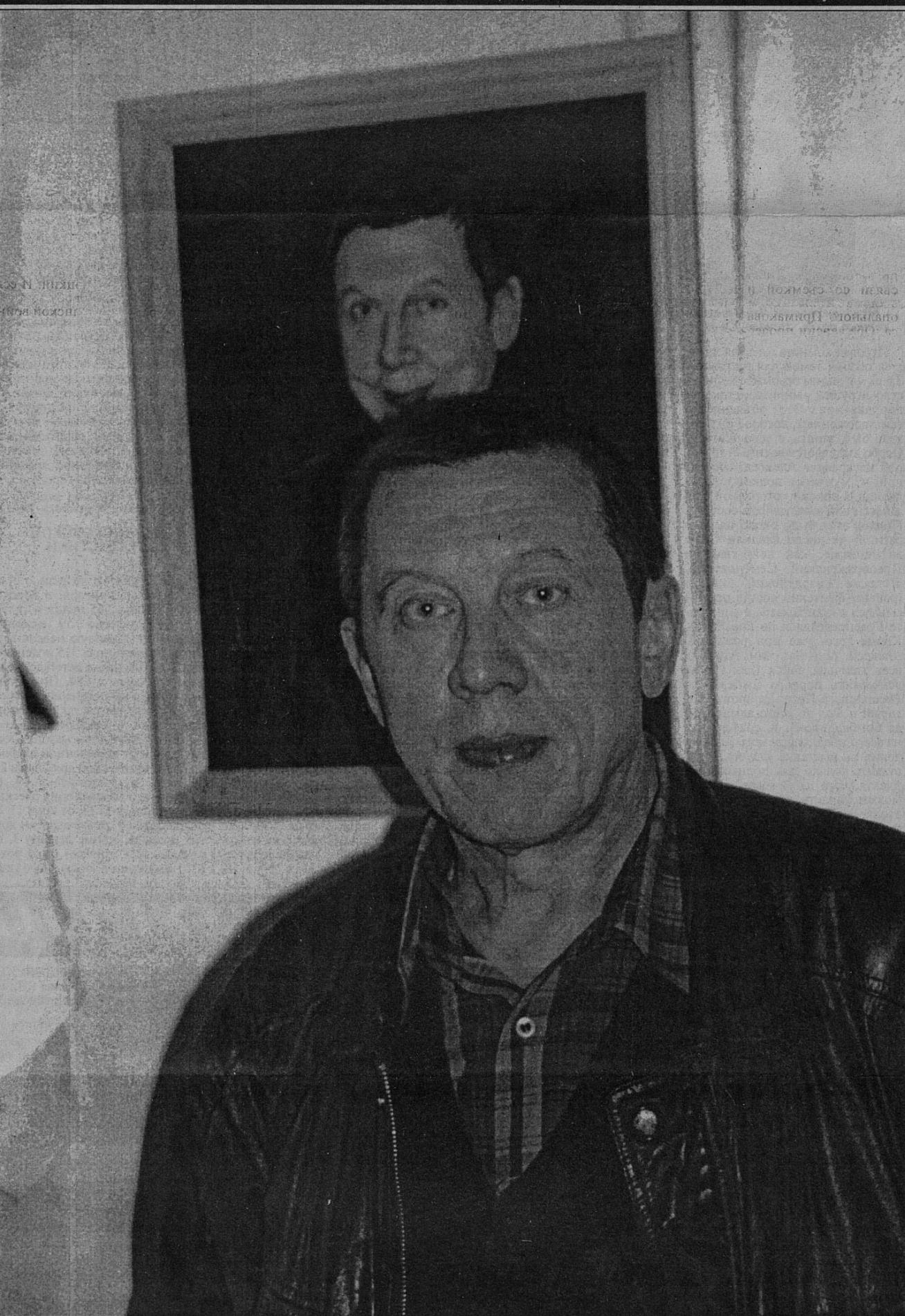
— История Театра на Таганке осталась в прошлом веке. Каким было самое яркое событие в вашей жизни и жизни Театра на Таганке?

— Примерно в 1974 году проходила третья смена спектакля «Живой» Бориса Можаева. Министром культуры в то время был Петр Демичев. В первые три ряда усадили героев соцтруда. Когда я вышел на сцену, медиалисты ослепляли в свете софитов своими наградами. Далее сидели знаменитые писатели, артисты, рабочие — они должны были решать судьбу спектакля. Спектакль был принят восторженно, но министр культуры Демичев сыграл с нами злую шутку: на открытый прогон заранее запрещенного спектакля он пригласил специалистов по сельскому хозяйству — вместе с представителями Союза писателей и кинематографистами. Мы не знали, в том числе Юрий Любимов и автор пьесы «Живой» Борис Можаев, что все это было подготовлено. Сам я узнал об этом много лет спустя от директора племенного совхоза. Оказывается, колхозников собирали в пансионате и инструктировали, как «зарубить» спектакль... Если бы спектакль вышел тогда, я в полной мере ощутил бы себя победителем. Когда завершился прогон, я чувствовал бы себя знаменитым, как Москвин, проснувшийся после роли царя Федора. Вся театральная Москва в те дни говорила о спектакле. Вместо этого начались жуткие обсуждения — все повторилось в кошмарной гиперболе. Как сказал Владимир Солоухин, это было похоже на собрание городничих, которые обсуждали пьесу «Ревизор»... И все-таки это была наша победа в искусстве.

Еще одним ярким событием моей жизни была публикация моей повести «На Исток-речушку» в журнале «Юность». О ней хорошо отзывался Борис Полевой. Возвращаясь из редакции с портфелем, в котором находилось 10 авторских экземпляров журнала, я умудрился несколько раз переходить улицу Горького (ныне Тверскую) в неполюженных местах. Кем я только себя не

Мы встретились с Валерием Золотухиным в самом конце XX столетия в здании, где до революции размещался Электротheater «Вулкан». Потом его перестроили в знаменитый театр на Таганке (старый корпус), где с 1964-го, придя из Театра им. Моссовета, и работает Золотухин. За это время им сыграно более 30 театральных ролей. Каждый из спектаклей театра, словно приняв эстафету от Электротheater «Вулкан», и будет «извержением» новой режиссуры Юрия Любимова. Даже названия спектаклей укладываются в подобие стиха новой формы: «Что делать?», «Гамлет», «Мать», «Послушайте», «На дне», «Антимир», «Шарашка», «Пугачев», «Вишневого сада». Золотухин много снимался в кино,

запомнился зрителям наиболее выразительными ролями в фильмах «Бумбараш» и «Единственная». Автор нескольких повестей и рассказов, артист в последние годы издал четыре книги дневникового жанра, в которых повествует о себе, театре, о своем близком друге Владимире Высоцком... Дневники Золотухина дают наиболее полное представление о жизни театра изнутри, описанные очевидно. В своей новой книге «Банька по-черному» Золотухин цитирует Василия Розанова: «Дело в том, что таланты наши как-то связаны с пороками, а добродетели — с бесцветностью. Вот из этой «закавыки» и вытаскивайся». Эта фраза могла бы стать эпиграфом к любой из книг-дневников Золотухина.

Независимая газета. — 2001. — 3 февр. — с. 9

Валерий Золотухин и его alter ego. Фото Андрея Шарунова

возмнил в тот момент. Было ощущение, что судьба повернула в другое русло. На одном банкете Андрей Вознесенский, прочитавший мою повесть, сказал мне: «Ты понимаешь, на тебя по-другому будут смотреть и воспринимать не только как актера?» Но для того чтобы меня воспринимали «другим», я должен был бросить театр, кино, что и сове-

товали мне сделать многие знаковые писатели.

— Что служит вам защитой от жизненных неурядиц?

— Для человека моего ремесла — ремесло. Конечно, и религия. Но человек так уж устроен: если он молится или просто кается, то обязательно ждет компенсации за это. Истинная вера заключается в том, чтобы не ждать компенса-

ции. Впрочем, мы так устроены, что вера и суеверия у нас живут рядом.

— Вы суеверный человек?

— Так у меня такая профессия! Помню, играл Павла I в Театре Российской армии — я все время всюду искал гвоздь, чтобы положить в карман. Есть такое актерское поверье: найдешь гвоздь — не забудешь текст. Не

положишь гвоздь — забудешь текст.

— И действительно так случается?

— Случается! Но самое ужасное, бывает, забываешь текст и с гвоздем в кармане... А вот что спасает, так это любовь. Тут уж чего греха таить? Состояние души и сердца ежеминутно, ежесекундно должно быть влюбленным.

— Вам в жизни везло в любви?

— Везло! Вы имеете дело с целым веком, который думал всерьез, что, если захочет, напишет «Войну и мир». Я не шушу — я убедил себя в этом — раз и навсегда. Понимаю, что это чушь... И все-таки...

— Но с долей истины?

— Ну конечно... Так же и в любви — я думал, что если я кого-то полюблю, то могу добиться взаимности! Без этой веры с долей самоуверенности победить нельзя. На дуэль идти — надо готовиться убивать, а не запасаться белыми тапочками.

— В своих книгах вы раскрыли некоторые тайны своих увлечений...

— Одна молодая особа сказала мне: «Ваши суждения о любви забавны, достойны внимания, но не забывайте свой возраст. Когда человек в таком возрасте позволяет себе что-то фривольное, он выглядит пошляком». Любви все возрасты покорны, но говорить об этом нужно уметь. Я говорю о состоянии души и тела. Недавно сказали: «Валерий, если ты хочешь, чтобы тебя любили, ты не должен пить!» Это одна сторона — потому что все это портит лицо, тело, душу. А состояние влюбленности, любви — оно заставляет тебя быть в форме, что актеру просто необходимо.

— Часто расслабляетесь?

— Это удел молодости. Тут, как говорил Хемингуэй: «В двух случаях нельзя пить — когда сражаешься и когда пишешь». И еще цитата из Данте: «Нежась на мягкой перине, славы себе никогда не добудешь». В студенческие годы это было для меня откровением... Опять сошлось на профессию: такая уж она у нас: когда ты молод, требуешь сатисфакции — славы, популярности...

— Ваше отношение к смерти?

— Работая в театре и играя таких авторов, как А. Пушкин, Ф. Достоевский, Ю. Трифонов, Ф. Абрамов, Б. Можаев, я отношусь к смерти спокойно. Тем более что я верующий. А насчет своего таланта у меня заблуждений нет, и философское отношение к нему распространяется и на отношение к смерти. Что дано, то дано. Человек устроен так, что ему всего мало. Для этого и нужно быть самокритичным. Так что к смерти отношусь спокойно. Как поется в песне: «Если смерти — ты мгновенной, если раны — небольшой». Хотелось бы не обременять близких. Заживаться я не хочу.

— Остается у вас время читать?

— Для Библии — всегда. Еще очень люблю Василия Розанова — постоянно его читаю, цитирую.

— Выматывают ли вас спектакли?

— Если после спектакля есть ощущение, что хорошо сыграл и подтверждение этому ощущение находишь у партнеров и режиссера, то, даже измочаленный, чувствуешь себя счастливым. Вот для этого и стоит жить, если ты актер. Моя книга «Банька по-черному» заканчивается стихотворением Александра Яшина, которым я начинаю каждую встречу со зрителями уже четверть века:

*Значит, и во мне есть искра
Божия
не зря меня кормит народ
своим хлебом*

*не плачет ли кто-нибудь
над моими книгами?*

А в конце книги я сам переспрашиваю: плачет ли кто-нибудь над моими книгами? Серьезный для меня вопрос. И что же вы думаете как-то захожу в гримерную, а там сидит наш заслуженный артист Лев Аркадьевич Штейнрих, читает мою книжку и плачет. Я сначала не понял, только потом до меня дошло, чем книга моя заканчивается! Меня пронзило чувство тшеславного восторга: хоть один человек: не плачет! Это уже хорошо. Звоню ему: «Над чем вы плакали?» — «Над твоим дядей Лешей из рассказа «Клоуны». Я тысячу раз его читал»...

В этот момент я был счастлив. Р.С. На вопросы о своих политических симпатиях и о своем отношении к тому, что многие артисты стали заниматься политикой (Н. Губенко, С. Говорухин, Э. Бистрицкий), и на вопрос о государственном гимне Валерий Сергеевич ответил цитатой из произведения Булгакова: «Каждое ведомство должно заниматься своим делом».